

УДК 08
ББК 94.3
Е36

Главный редактор – *Н.И. Леонов*, доктор психологических наук, профессор,
проректор по научной работе УдГУ

Зам. главного редактора – *А.В. Ишмуратов*, кандидат педагогических наук,
доцент, директор ФУНОЦГТ УдГУ

Ответственный редактор – *Д.И. Черашняя*

Е36 **Ежегодник финно-угорских исследований.** Выпуск 2 / Науч. ред.
Н.И. Леонов; сост.-ред. А.Е. Загребин, А.В. Ишмуратов, Р.В. Кириллова;
отв. ред. Д.И. Черашняя. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет»,
2010. – 178 с.

В Ежегоднике представлены статьи и материалы, посвященные проблемам изучения социально-экономического, духовно-нравственного и культурного развития финно-угорских народов, опыт разработки инновационно-гуманитарных технологий, направленных на внедрение их в общественную практику, в процессы обучения и воспитания.

Адресуется специалистам-историкам, культурологам, филологам, преподавателям вузов, школ, лицеев, работникам культурных учреждений.

ISBN 978-5-904524-13-5

© Удмуртский государственный университет, 2010

© Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2010

УДК 39(470.4)

В.Г. Родионов

**О СООБЩЕСТВЕ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ
УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ И ЧУВАШЕЙ
В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
РОССИИ XXI ВЕКА**

В основных понятиях этнологии, используемых в данной работе, мы придерживаемся определений известного ученого С.В. Лурье (8; 9). В этнологическом значении *культура* – это функционально обусловленная структура, имеющая внутри себя механизмы самосохранения даже в меняющихся культурно-политических условиях, способствующие как адаптации своих членов к внешнему – природному и культурно-политическому окружению, так и приспособливанию внешней реальности к своим нуждам и потребностям (9; 53). В таком случае *этнос* понимается как носитель совокупности адаптивных моделей, то есть культуры в изложенном выше определении. Этнос определяется и общностью языка, нравов и обычаев, этноидентификацией. Из приведенных определений складывается содержание терминов «этнокультура» и «культурная (этническая) константа». Культурные константы относятся к образу действий человека по отношению к объектам мироздания. Они одновременно и провоцируют человеческую активность в мире, и направляют ее, и предопределяют человеческое восприятие мира (8; 15). К примеру, подобными константами являются такие бессознательные культурные поля в образах, как «источник добра», «источник зла», «образ мы», «образ действия» и др. Когда я пишу о *сообществе*, то в первую очередь подразумеваю группу этносов, у которых наиболее схожи эти культурные константы, вернее – *комплексы культурных констант* (ККК). ККК – «это та призма, сквозь которую человек смотрит на мир, в котором должен действовать; основные парадигмы, определяющие возможность и условия действия человека в мире, вокруг которых выстраивается в его сознании вся структура бытия» (8 I; 14).

Мое ответственное заявление о сообществе финно-угорских и чувашского народов Урало-Поволжья требует доказательства, как я представляю, на уровне культурных констант этих этносов. Начну с такой немаловажной константы, как «образ родственных народов».

Весь XIX в. знаменателен тем, что по поводу происхождения чувашей многие ученые ломали копыя в пользу либо финно-угорской, либо тюркской теорий. Все же вплоть до появления фундаментальной монографии Н.И. Ашмарина (1) основная

часть исследователей относила чувашей к финно-угорской группе урало-алтайских языков. При этом по языку чувашей считали тюрками, а по культуре – финно-уграми. И теория Н.Я. Марра, и исследования чувашских ученых 30–50-х гг. XX в. (Н.В. Никольского, В.Г. Егорова) убеждали читателей в близости чувашей к финно-угорским народам Урало-Поволжья. Даже приверженцы теории болгарского происхождения чувашей всячески отмежевались от родства с казанскими татарами, относя последних к грозным завоевателям и вечным врагам чувашского народа. Между тем финно-угров региона они постоянно включали в число дружественных и миролюбивых этносов. Очевидно, подобное отношение к своим соседям у чувашей формировалось не только из-за конфессионального их различия или сходства. Не секрет, что большая часть чувашских преданий повествует о жестокости казанских ханов по отношению к зависимым народам ханства. В чувашском историческом сознании вплоть до настоящего времени сохранилась память о былом могуществе народа, потерянном из-за завоевателей, названных в преданиях обобщенным этнонимом «татары». Чуваш учил своих детей всегда быть начеку при общении с татарами и русскими, но только не с марийцами или удмуртами, мордвой или коми.

Итак, образ дружественных (родственных) народов в чувашском сознании исторически связан прежде всего с финно-угорскими народами Урало-Волжского региона.

Для полноты и убедительности своего тезиса приведу поведение интеллигенции народов региона в наиболее сложный период разлома в их сознании – 1917–1918 гг. Как известно, на границе подобных разломов ярко проявляется подсознательно-константное начало, жестко диктующее определенное поведение людей.

На фоне активизации миссионерской деятельности православной церкви и русификаторской политики властей татарская буржуазия начала объединяться с мусульманским духовенством. Новым идеологом в те годы выступил Ш. Марджани, который стремился объединить в единую татарскую нацию всех мусульман, а также «по возможности исламизировать кряшен, чувашей и угро-финские народы» (17; 79). Основным теоретиком идеи единства тюрков-мусульман и ее активным воплощением считается азербайджанец И. Гаспринский. Такое общественное движение, как джадидизм, соответствовало идее объединения тюркоязычных мусульман.

В начале XX в. в татарском обществе набирает силу идея татарской идентичности, сторонники которой были названы «татаристами» (15). При этом они не отказались от идеи создания «большого государства, где мусульмане представляли бы большинство населения» (3; 70). Именно таким государством был бы предложенный «татаристами» проект будущего «Идел-Урал Штата» с включением туда солидной части немусульман региона: чувашей и марийцев. Правительство штата должно было формироваться советом мусульманского большинства при включении представителей других наций на пропорциональной основе (17; 208–209).

Чувашские и марийские политики опасались особой активности своих соседей (татар и башкир); немалую роль здесь играли, очевидно, различие религий и историческая память этих народов. Они настаивали на включении в штаты удмуртов и мордвы, вместе с которыми укрепили бы свое положение в них.

Розовой мечтой части чувашской интеллигенции тех лет являлась идея объединения всех немусульманских народов Урало-Поволжья, которое имело бы равные права с предполагаемой «Татаро-Башкирской республикой». Данная идея вызревала в бурной жизни народов России после демонтажа ее монархического строя.

Организационный период в национальном движении немусульманских народов региона начался уже в первом месяце после Февральской революции: 22 марта 1917 г. по инициативе приват-доцента Казанского университета Н.В. Никольского, чуваша по национальности, собрался первый съезд «Союза (первоначально – Общества) мелких народностей Поволжья». Были созданы национальные секции, которые к августу того же года составляли следующую пропорцию: чувашская – 193 чел., марийская – 47 чел., крещенотатарская – 27 чел., удмуртская – 7 чел. и мордовская без данных (5; 35–36).

На очередном съезде, проходившем 15–22 мая 1917 г., обсуждался вопрос государственного устройства новой России и ее национальных окраин. Второй вариант принятой на том съезде резолюции имел следующие рекомендации: «Общее собрание представителей мелких народностей Поволжья, обсудив вопрос о форме правления в России и принимая во внимание: 1) что наилучшей формой государственного устройства, в полной мере обеспечивающей народовластие, является федеральная республика; 2) что большинство населения Российской Державы при его сравнительно низком культурном и политическом уровне не может, к сожалению, считаться подготовленным к немедленному введению в России федеративной республики; 3) что, за вынужденным отказом от введения в России теперь же федеративной республики, надлежит высказаться за учреждение в России демократической республики, и 4) что Российская демократическая республика должна быть устроена на таких началах, чтобы в ее основных законах не заключалось препятствий к переходу ее в федеративную республику, при наступлении соответствующих культурно-политических условий...» (14; 14).

В данном варианте резолюции о местном самоуправлении сказано не совсем ясно. В первом же варианте (его внес чуваш И.В. Васильев) четко изложена перспектива перерождения самоуправления в Поволжье: «Съезд представителей мелких народностей Поволжья вынес решение: в настоящий момент своих штатов не образовывать, но в законодательном порядке обеспечить возможность перерождения самоуправления в местные штаты на территориально-национальных основах, когда местные национальности политически и культурно доразовьются до надлежащего уровня» (14; 13).

Как уже было сказано, чувашские и марийские политические деятели спохватились лишь после принятия Миллет Меджлисом (первым татарским парламентом) решения о создании «Идель-Урал Штата». Времени на культурно-политическое «доразвитие» не хватало, поэтому они вынуждены были выступить против создания «Татаро-Башкирской республики». К 1920 г. многие из них оказались либо на стороне противников советской власти, либо по разным причинам уходили с политической арены. А новое поколение политиков-коммунистов во главе с С.Д. Эльменем низвело проект «национальных штатов» до уровня «коммуны».

Итак, по логике событий и действий, а также по стратегическому плану Н.В. Никольского и его соратников, их «Союз» со временем должен был превра-

таться в полноправный субъект (штаты) Российской Федеративной республики с равными культурно-автономными правами входящих туда народов. Но национально-государственное строительство советской России осуществилось по модели Сталина: вместо двух больших штатов (Татарско-Башкирской республики и «Штатов народов Поволжья»), которые со временем могли бы обрести статус союзных республик СССР, образовались семь автономных субъектов России, которые были искусственным образом разобщены и общались только с Москвой или же через нее.

Несмотря на всяческие препоны центра, интеллигенция финно-угорских народов Урало-Поволжья, в особенности творческая и научная, находила и находит различные формы взаимообщения, она притягивает к себе и большую часть чувашской интеллигенции. Этому способствовали, очевидно, и весьма натянутые отношения между учеными из Казани и Чебоксар, в особенности до 90-х гг. XX в.

На уровне симпатий и антипатий финно-угорские народы региона и чуваша, как уже было отмечено, тянутся к друг другу. Главной причиной ощущения данной общности является не православие, как считают некоторые ученые, а близость народных культур и ККК этих этносов. Здесь я намерен затронуть лишь некоторые стороны данной многогранной проблемы.

Одной из основных этнических констант следует считать, на мой взгляд, те механизмы, которые обеспечивают вертикальную связь этноса с предками, в том числе с местом их бывшего проживания. В этнотерритории, как органичной части биосферы, сливаются в одно целое люди, реки, леса и горы, вся фауна и флора данной местности. Наиболее близки к природе финно-угорские народы, у которых почти в первозданном виде сохранились почитание священных мест (рощ, холмов, озер и т.д.) и их духов, поклонение тотемным птицам или зверям (4; 10; 11; 12; 18).

Здесь я намерен остановиться лишь на культе Кереметя и священных рощ, которые наблюдаются у всех поволжских народов и имеют общее название *керемет* (16; 297). Как объясняют специалисты, культ данного духа местности «выполнял важную роль в социальной регуляции и интеграции» этноса (10; 216). По мнению удмуртского этнолога В.Е. Владыкина, в удмуртскую среду культ кереметя проник вместе с исламом и слился с древним финно-угорским культом священной рощи (4; 202).

В одном из чувашских преданий об исчезновении киреметей говорится, что они ходили в облике татарских господ. Однажды пятеро из них подъехали к чувашским пахарям и сказали, что их тут притесняют и разоряют. Причина их несчастий, по их сообщению, следующая. У них был главный начальник, который, водворившись у чувашей, распределил младших киреметей по местам, а сам лег спать, сказав: «Я ложусь спать, разбудите меня лишь тогда, когда придет *çуй*». Те не поняли, что такое *çуй*. Прошло несколько лет. Однажды они решили разбудить своего начальника и спросить его, что такое *çуй*. Они сделали так и сказали: «*Çуй* идет, быстрее вставай, бабай!». Старик проснулся, посмотрел на запад (!) и сказал: «Погубили вы меня и себя; если бы вы не будили, то я спал бы до самого *çуй* и давал бы вам силу». Оказывается, слово *çуй* означало конец света. «А теперь, – сказал старик, – вас отовсюду будут гнать и разрушать ваши

жилища». Тут он умер. После этого положение киреметей стало невыносимым. Сила их пропала, жилища разрушили. Им пришлось бежать. Рассказав это, они сели в повозку и укатили (2; 201).

Содержание данного текста отражает период православно-языческого синкретизма чувашей (XVIII–XIX вв.). Но здесь киремети связаны не только с татарами-мусульманами, но и героями-защитниками народа. Имеется солидный ряд преданий, из которых можно заключить, что чувашские киремети – это места захоронения чувашских богатырей, защитников народа. Их нельзя было беспокоить до больших народных бедствий. В случае нападения врагов они поднимались по вызову людей и рьяно защищали свой народ. Чувашские лингвисты Н.И. Ашмарин и М.Р. Федотов считали, что у чувашей культ киремети возник «из почитания умерших, слившегося впоследствии с культом мусульманских святых, на что указывают и слова *киремет*, *мйчавър*, *мамале*» (16; 297). Следует уточнить время утверждения этого язычески-мусульманского культа. Фонетические формы терминов указывают на их относительно позднее появление в чувашском языке (не ранее XIV–XV вв.). Как известно, культ святых и почитание их могил сильно был развит и в народном варианте ислама. Всех чувашей объединяла общенародная киреметь под названием *Мельём хуҫа* (*Вальём хуҫа*), которая находилась на горе вблизи Билярска, домонгольской столицы Волжской Булгарии (1; 26–27).

Итак, в культе Кереметя/Киреметя прослеживаются как очень древние финно-угорские почитания священных деревьев и мест, так и мусульманские культы святых и их могил. Фактически чувашская, отчасти марийская и удмуртская, народные религии до принятия христианства представляли собой мусульманско-языческий синкретизм. В них этнические постоянные проявляются в самых различных формах, прикрытые самыми различными ценностными обоснованиями в любых модификациях этнической культуры (9; 597). Относительно легко их можно обнаружить в преломленном сознании народа готовых, то есть внешних религиозно-идеологических представлений.

Массовое крещение чувашей и других народов региона проходило в 40-е гг. XVIII в., и с этого времени они считаются православными. Фактически в сознании людей произошла трансформация православия в сторону народной религии. Христос превратился в самого главного Бога, а Святой Дух и Мария Магдалина – в его родителей (*Турӑ Ашиӗ* «Отец Бога» и *Турӑ Амӑшӗ* «Мать Бога»). Именно такую иерархию имеет пантеон богов чувашской религии. Наличие у божеств и духов своих родителей – главное отличие чувашской мифологии от других религий. Христианские Пасха и Троица в чувашской обрядовой системе превратились в поминальные комплексы *Калӑм* и *Ҫимӑк* (13; 112–126). По преданиям, чувашского эпического богатыря *Улӑн* (тюрк. *Алн*, *Алын*) враги убили в среду перед христианской Пасхой, в знак этого события был установлен главный праздник – *Калӑм кунӗ* «День Калӑм». В день Пасхи чувашаи-христиане собирались в дом прауродителя по мужской линии и поминали своих предков, а потом поочередно ходили по домам своих родственников. А православная Троица в чувашском обществе за последние десятилетия превратилась в самый массовый и главный обрядовый комплекс поминального цикла. В этот день любой чуваш, если он считает себя порядочным человеком, стремится побывать на своей малой родине и посетить

те кладбища, на которых находятся могилы его предков. Культ предков проникает в свадебный ритуал, его можно обнаружить во время любого чувашского застолья. В таких случаях один из тостов произносится в честь предков, а интеллигенция обычно исполняет гимн, в котором имеются глубоко символические слова: «Никогда не забудем своих предков (отца и мать)».

В современном нестабильном мире чувашское подсознательное диктует культивировать своих предков. По радио и телевидению постоянно звучат поздравления-песни о родителях, особенно о матери. Сегодня у всех на глазах возрождается культ Священной Матери. Народом поддержана идея создания памятника Чувашской Матери, выдвинутая президентом Чувашской Республики Н.В. Федоровым. Данный памятник воздвигнут у Чебоксарского залива, и он обращен на загадочный восток. Распростертые руки чувашской Священной Матери говорят о многом. Но прежде всего о том, что ее дети и внуки должны жить в мире и согласии, что они должны почитать своих предков. Так создается новый образ «мы», опирающийся на этнические бессознательные комплексы. Культ Женщины и Матери наблюдается и в культуре народов Урало-Поволжья.

Обрядовая жизнь финно-угров Урало-Поволжья и чувашей проходила почти одинаково. При этом похожи не только их тексты (вербальные, акциональные, предметные и т.д.), но и названия. Многие из них имеют болгаро-чувашское происхождение (*Агавайрем, Сүрем, Акашка* и т.д.). Чувашизмами изобилует терминология марийской мифологии (*суксо, серлагыш, витнезе* и т.д.). Некоторые названия духов (*вутайш* – дух воды) проникли к чувашам от марийцев. Все эти и другие факты говорят о единстве язычески-обрядовой системы данных народов. Близость народных костюмов и геометрических орнаментов, особая тяга к сакральному (белому) цвету, антропологическо-ментальная и культурно-психологическая схожесть – все эти стороны этнической жизни формируют в сознании представителей данных народов Урало-Поволжья особое чувство близости и родства.

Итак, до сих пор я пытался как-то обосновать и подтвердить отдельными фактами свою заявку о фактическом существовании волжско-пермско-чувашского сообщества, прежде всего на уровне отдельных констант и их составляющих концептов.

Перехожу к следующей части своей работы, в которой я намерен порассуждать о виртуальном поликультурном пространстве России XX в. и об ожидаемой в нем для нашего сообщества нише.

Совсем недавно в газете «Звезда Поволжья» была опубликована статья Д.М. Исхакова, известного этнолога и политолога из Казани, эрудированного специалиста в области прогнозирования и моделирования развития этносов (6). В этой работе ученый затрагивает вопросы функционирования татарской нации в будущей России, определяет пути движения татарского общества. Опираясь на мнения известных футурологов (А.В. Шубина и др.), он напоминает, что человечество стоит перед ожидающимся в самое ближайшее время, то есть до 2020-х гг., фундаментальными изменениями. В настоящее время в обществе происходит социальная трансформация, которая бесповоротно закрепляет постиндустриальные технологические и социальные тенденции, ядром которых является наступление «информационной эры» (Там же).

Рассматривая отмеченные футурологами варианты выхода из кризиса, Д.М. Исхаков напоминает, что в процессе ослабления «национально-государственной» составной и при возрастании «цивилизационно-культурной» субъектности усиливается конкуренция различных цивилизационно-религиозных групп, стоящих во главе ведущих транснациональных экономических систем. Применительно к России футурологи моделируют три возможных сценария. Не вдаваясь в подробности их коллизий, следует прислушаться к рекомендациям Д.М. Исхакова: «Упор необходимо делать на тех, кто обладает знаниями и квалификацией. Используя информационные структуры мира, сейчас не так сложно создать достаточно сильные виртуальные политические пространства. На самом деле информационные изменения позволяют одновременно независимо друг от друга существовать разным субкультурам со своими системами управления и мировоззрением. И такие структуры вполне способны стать политической силой, сравнимой даже с мощью отдельных государств» (Там же).

В другой работе, опубликованной в той же газете «Звезда Поволжья» (март-апрель 2009 г.) и размещенной в отдельный сайт интернета (7) Д.М. Исхаков размышляет о возможных путях развития Татарстана и России в целом. Как справедливо считает ученый, в России татарский фактор является структурообразующим. Будучи одним из базисных элементов российской государственности и российского этнокультурного пространства, татары, по утверждению Д.М. Исхакова, обречены быть важнейшей частью тюрко-мусульманской цивилизации России, являющейся второй наиболее значимой составной поликультурного российского сообщества. (Кстати, по прогнозам демографов, количество мусульман в России к середине нового века достигнет 40 процентов, быть может, и более.) Судьбу Евразийского пространства будут решать две цивилизации: славяно-православная и тюрко-мусульманская. Уже сегодня существуют проекты интеграции тюрко-мусульманских народов СНГ в форме национально-культурных автономий (НКА) со своим исполнительным органом, финансами и общественным «парламентом». Другие рекомендуют изменить название Российской Федерации и переименовать ее в Евразийскую Федерацию. В таком случае народы региона вошли бы в состав нового субъекта – Урало-Поволжской Республики (Н. Мириханов).

При первом варианте развития событий судьбы финно-угорских народов Урало-Поволжья и чувашей напрямую будут зависеть от их осознанного выбора будущей модели. Если они пойдут по примеру тюрко-мусульман Евразии, то как-то смогут сохранить свою идентичность, язык и своеобразную культуру. В противном случае наши народы очень быстро и бесследно растворятся в славяно-православной среде, то есть будут подвергнуты ассимиляции.

Финно-угорским, чувашскому, быть может, и калмыцкому, народам не очень перспективна вторая модель будущей России. Но и в таком случае в рамках Урало-Поволжского Республики и шире следует сохранить национальные НКА и строго соблюдать принцип национального представительства в органах власти и парламента. В составе подобного сообщества усиливается опасность появления конфликтных ситуаций на основе конфессиональных различий.

Для интеллектуального выстраивания желаемого будущего наших народов необходимо как можно быстрее организовывать национальные центры

по выработке стратегий развития. Будущее народов региона в определенной степени зависит и от интеллектуальной активности, собранности и устремленности лучшей части их интеллигенции. Этнические константы наших народов должны оставаться неизменными и в XXI веке. Законы синергетики требуют как внутренней, так и внешней самоорганизации общественно-социальных организмов, в том числе и этносов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Ашмарин Н.И.* Болгары и чуваша. Казань, 1902 (репринтное издание: Чебоксары, 2000).
2. *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка. Т. XII. Чебоксары, 1937.
3. *Беннингсен А., Келькеже Ш.* Султан-Галиев – отец революции третьего мира // Татарстан. 1993. № 6. С. 68–74.
4. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1991.
5. История Чувашии новейшего времени. Книга I. 1917–1945. Чебоксары, 2001.
6. *Исхаков Д.* Полет над бездной // Звезда Поволжья. Казань. 2009. Апрель. С. 2–8.
7. *Исхаков Д.* Татарская нация: история и современное развитие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kitar.net.ru/isxakov>.
8. *Лурье С.В.* Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М., 2003.
9. *Лурье С.В.* Историческая этнология. М., 2004.
10. Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005.
11. *Мокшина Е.Н.* Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XXI века. Изд. 2-е, доп. и перераб. Саранск, 2006.
12. Мордва. Историко-этнографические очерки. Саранск, 1981.
13. *Родионов В.Г.* Этнос. Культура. Слово. Чебоксары, 2006.
14. Съезд мелких народностей Поволжья. Казань, 1917.
15. *Тагиров И.* Очерки истории Татарстана и татарского народа. Казань, 1999.
16. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. 1. Чебоксары, 1996.
17. *Хабутдинов А.* От общины к нации. Казань, 2008.
18. *Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Ижевск, 2001.

Поступила в редакцию 21.01.2010

Родионов Виталий Григорьевич,

ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
декан факультета чувашской филологии и культуры,
доктор филологических наук, профессор
г. Чебоксары.
E-mail: vitrod1@yandex.ru